

А.И.ГЕРЦЕН

ЛЕГЕНДА

Fu, e non e...

Non sara tutto tempo senza reda...

Del "Purgatorio" [Был - и нет его... Не останется навсегда без преемника... Из "Чистилища"(итал.)]

(Посвящено сестре Наташе)

I

"Яко же огреби миру быхом, всем поправление доселе..."

К коринф. I посл., гл. IV

Несколько месяцев тюрьмы, несколько месяцев без открытого неба, без чистого воздуха. Тюрьма не есть уединение, чувство, что человек выброшен из общества, отрешен от всех его условий, - давит, душа сосредоточивается, занимает наименьшее пространство, уменьшается. Томно шло время и однообразно до крайней степени, сутки потеряли свое измерение, все 24 часа превратились в одну тяжелую серую массу, в один осенний вечер; из моего окна видны были казармы, длинные, бесконечные казармы, и над ними голубая полоса неба, изрезанная трубами и обесцвеченная дымом. Наконец потребность воздуха, солнца, неба превратилась в болезнь, в тоску. - Мне позволили гулять. С каким искренним удовольствием вышел я на печальный двор, отсюда обставленный солдатами, чистый, плоский, выметенный, без травы, без зелени; правда, по углам стояли деревья, но они были печальны, мертвые листья падали с них, и они казались мне то потерянными бедными узниками, грустными, оторванными от родных лесов, то часовыми, которые без смены стерегут заключенных. Удовольствие мое тускло, темнело; к этому прибавилась еще причина; кто не был в тюрьме, тот вряд ли поймет чувство, с которым узник смотрит на своих провожатых, которые смотрят на него, как на дикого зверя, - Я хотел уже возвратиться в свою маленькую горницу, хотел опять дышать ее сырым, каменным воздухом и с какою-то ненавистью видел, что и это удовольствие, к которому я так долго приготавливался, отравлено, как вдруг мне попала на глаза беседка на краю ограды. "Можно идти туда?" - "Я думаю", - отвечал офицер после некоторого молчания; я взмог, и чуть крик восторга не вырвался из моей груди: пространство более нежели на двадцать верст раскрывалось внезапно, нечаянно.

Кто не знает чувствований, с которыми смотрит человек вдаль с горы? Я сам часто испытывал их; но тут явилось что-то новое в моей груди, сжатой каменными стенами, - в груди колодника...

Вся Москва, весь этот огромный, пестрый гигант, распростертый на сорок верст, блестящий своею чешуею, вся эта необъятная, узорчатая дружба кристаллов, неправильно осевшихся. Я всматривался в каждую часть города, в каждой гряде камней находил знакомого, приятеля, которого давно не видал... Вот Кремль, вот Воспитательный дом, вот крыша театра, вот такая-то церковь...

Осеннее солнце, "как итальянская луна", не ослепляло; полосами была Москва наводнена его светом, полосами была темна, и эти полосы перебежали: Москва, казалось, то улыбается, то браздит морщинами чело свое. Вся